

*Замужество — это поле боя,
а не постель, устланная розами.*

П. Г. Вудхауз

Глава 1

Илья Алексеевич вернулся домой в десятом часу вечера. После работы он долго гулял по мрачному осеннему городу, бесстрашно ступая в антрацитовые лужи, зло разбивая ногами желтые, как кошачий глаз, отражения фонарей. Вглядывался в серые тени, спешащие мимо него, словно какая-то из них могла вдруг обернуться кудесником, готовым разом положить конец его отчаянию.

Не замечая пронзительного ветра, он перешел Каменноостровский мост, поглядывая на тяжелые, вязкие воды Невы, которые ветер шевелил с усилием, поднимая запахи солянки, тины и чего-то неуловимо свежего, чем всегда пахнет от больших рек. Он миновал Петропавловскую крепость, скользнул взглядом по минаретам мечети, еле различимым в темном облачном небе. Давно он здесь не бывал... Илья Алексеевич погрузился в воспоминания и сам не заметил, как ноги занесли его в глубь Петроградской стороны, к Медицинскому институту. Он прошел по улице Льва Толстого, легонько задевая рукой прутья железной решетки, огораживающей территорию, и достиг главного корпуса. Несмотря на позднее время, во многих окнах горел свет, а мимо Ильи Алексеевича сновали, громко болтая и пересмеиваясь, молодые люди. Он остановился, с улыбкой глядя, как студенты группируются, закуривают, меняются тетрадками, азартно жестикулируют. Ухо улавливало

знакомые слова «пара, сессия, препод, зачетка, анатомка». Двадцать с лишним лет назад Илья Алексеевич точно так же бегал по отработкам, говорил те же самые слова... Неужели прошло столько времени? Целая жизнь...

Он нерешительно вошел в открытые ворота. Вот приземистое здание столовой, а вот седьмая аудитория, похожая почему-то на сельский клуб... Если пройти чуть дальше по дорожке, выйдешь прямо к общежитию, где Илья Алексеевич прожил все годы учебы, кроме последнего. Вполне достаточный срок, чтобы считать это место своим домом. Но воспоминание, неожиданное и острое, вдруг ударило в грудь, Илья Алексеевич развернулся и быстрым шагом отправился обратно на улицу Льва Толстого, молясь только, чтобы воспоминание не догнало его и не накрыло с головой.

«Только не сейчас, только не сейчас! — твердил он в такт своим шагам. — Я должен сначала все решить, все устроить, а потом можно будет сколько угодно горевать и каяться».

Решить, ха! Если бы он только знал, что делать! Если бы мог найти хоть малюсенькую лазейку, хоть крошечную дырочку в окружающей его каменной стене безнадежности, он вгрызся бы в нее, не жалея себя. Если бы только он увидел дверь, хотя бы запертую, со всего маху бросился бы на нее. Но пока что он понимал: от любых его действий будет только хуже.

— Я дома, — сдержанно сказал он в пустой коридор и сел на топчанчик.

Ботинки, разумеется, насквозь промокли, носки тоже. Надо же, на улице он этого не заметил. Илья Алексеевич задумчиво пошевелил холодными и бледными пальцами ног.

Куртка жены висела в прихожей, тут же стояли ее сапожки, а тапочек, наоборот, не было. Значит, дома. Но не

выходит его встречать. Что ж, за многие годы совместной жизни он к этому привык. Он взял ботинки, покрутил мокрыми носками в воздухе и пристроил сушиться на теплую трубу вентиляции в кладовке.

«Сколько лет мы живем, столько я прошу поставить в прихожей шкаф вместо вешалки! — Разумеется, ему не хватило духу произнести это вслух. — Живем, как в деревне, все наружу. Прекрасно же знает, как меня это бесит, но за двадцать лет так и не смогла найти шкаф, достойный стоять в нашем коридоре. О чем я только думаю? Если она поймет и простит нас, пусть делает все, что хочет, пусть хоть на пол наши пальто кидает, мне не жалко! Только она никогда не простит...»

Илья Алексеевич прошел в комнату. Жена сидела за компьютером, сосредоточенно двигая мышкой. То ли раскладывает пасьянс, то ли правит текст.

На скрип дверцы шкафа она отвлеклась:

— Что ты там ищешь?

— Шерстяные носки. Я промочил ноги.

— Только аккуратно! Ты вечно все перероешь!

— Если у тебя ничего не найдешь, — буркнул Илья Алексеевич, разбирая ворох колготок.

— Что?

— Ничего.

Один носок он выудил, теперь искал к нему пару. Как это трудно — искать пару. Хоть носок, хоть человека. Он подобрал более-менее подходящий по цвету и надел. Сразу стало теплее. Он сел на диван и уставился на жену. Почувствовав на себе тяжелый пристальный взгляд, она отвлеклась от своего занятия.

— Что, Илья?

— Я не отказался бы поужинать. Ты, конечно, уже поела?

— Разумеется. Я забочусь о фигуре и не могу себе позволить питаться после семи часов вечера. Впрочем, я могу разогреть для тебя.

Она поднялась из-за стола. Да, о такой фигуре стоило позаботиться. Высокая, с узкой костью, жена сохранила юношескую легкость тела.

— Нет, нет, работай. Я сам поем. — Илья Алексеевич усадил жену на место и в носках пошел на кухню.

Опять куриный суп, вздохнул он, ставя тарелку в микроволновую печь. Жена готовила не то чтобы невкусно, но как-то очень скучно. Ее обеды больше напоминали произведения добросовестного повара из столовой, чем домашнюю еду. Она жалела денег на продукты, да и процесс ее не слишком увлекал. Усталая после работы, раздраженная, она вставала к плите, варила суп, вертела котлеты из дурного жилистого мяса, но, сколько бы Илья Алексеевич ни уговаривал ее отказаться от готовки хотя бы по будням, жена категорически отвечала: «В хорошей семье каждый день должен быть суп!» Вот так. Должен быть суп, и точка.

Жена принадлежала к той злосчастной категории хозяек, которые покупают вместо фунта хорошего мяса два кило мослов и бестрепетно смешивают картошку со вчерашними макаронами, чтобы сэкономить на гарнире. Она месяцами не меняла посудную губку, роль кухонных полотенец у нее исполняли куски старых простыней, комками разложенные по кухне в строго отведенных местах. Илья Алексеевич приучился пользоваться при бритье мылом, носить дешевые холодные скользкие носки и по утрам пить растворимый кофе, забывая кислый вкус тремя ложками сахара. Причем кофе, который покупала его жена, был не очень-то растворимым, приходилось все время вылавливать из чашки горькие коричневые кусочки.

Она ведала всеми финансовыми делами семьи, карточка мужа хранилась у нее, так же как и зарплатная карточка Алисы. Стипендию Алисе было позволено оставлять себе на мелкие расходы.

Жена гордилась, что мало тратит на хозяйство, но при всей своей экономности она была удивительно, фатально непрактична. Делая в доме ремонт, она сразу отстранила Илью Алексеевича, ибо ничего не понимает и сделает все не то, и покупала самые дешевые материалы. То, что приобретенные на распродаже половая и настенная плитки для ванной абсолютно не подходили друг другу по цвету, ее не смущало. Но шпаклевка осыпалась, плитка отваливалась, а дешевые обои, наклеенные на стены чуть ли не с помощью домашнего клея, предательски шли пятнами и пузырями, в результате через два года от ремонта не осталось и следа.

Когда собрались купить дачу, Илья Алексеевич пытался вносить свои предложения, даже подыскал симпатичный домик в садоводстве, сорок минут на электричке, но ему объяснили, что хотеть такое может только полный идиот. Слава богу, есть в семье нормальные люди. В результате было приобретено тридцать соток в болотистой местности, до ближайшего водоема двадцать километров, добираться на двух поездах, которые к тому же ходили не каждый день, плюс шесть километров пешком от станции. Дорога в один конец занимала пять часов. На дивном участке стоял полуразрушенный дом с разбитой печкой, жить в нем было попросту опасно. Жена закупила бревен на новый дом, но в последний момент пожалела денег строителям и возвела баню с летней комнатой наверху. Печку в баню она так и не купила, летняя комната осталась неотделанной, а неиспользованные бревна валялись на участке и потихоньку гнили. Кончилось тем, что Илья Алексеевич, как мог, подлатал старый дом с помощью соседа.

Ему больно было думать, как прекрасно можно было бы устроиться на все эти, по сути, выброшенные деньги, а жена продолжала гордиться своим умением вести дела и считать его совершенно неприспособленным к жизни человеком, которого на пушечный выстрел нельзя подпускать к семейной кассе.

Последние годы в ней появилась некая поза, нотка надрыва, эдакого смиренного геройства двужильной женщины, тянущей на своем горбу взрослеющую дочь и никчемного мужа. То, что Илья Алексеевич был назначен главным врачом одной из крупных городских больниц, никак не разрушало этой стройной концепции. Карьера Ильи Алексеевича не интересовала жену, поскольку не приносила в семью большого дохода. В пример ему постоянно приводились другие начальники от медицины, многие из которых были их однокурсниками. Они без конца меняли иномарки, строили загородные дома, покупали квартиры детям. Жена тоже так хотела и старательно делала вид, будто искренне убеждена в том, что все это добро однокашники зарабатывают честным трудом, а ее муж беден не потому, что честен, а потому, что лопух.

Но Илья Алексеевич никогда в жизни не брал левых денег, и это было единственное, в чем он смел перечить жене. Будучи полностью отстранен от управления домашними делами, он отводил душу тем, что крепко хозяйничал в больнице. Выдвинувшись в главврачи из начмедов несколько лет назад, Илья Алексеевич прекрасно знал, какое заведение принимает под свою руку. Воровство в администрации было таким же обыденным делом, как внутримышечные инъекции. Профессор Колдунов, смеясь, говорил, что у бухгалтерии больницы «синдром обкрадывания» — есть такое понятие в сосудистой хирургии, когда кровь вместо мозга избыточно поступает в руку. Илья Алексеевич на свой страх и

риск провел множество болезненных мероприятий, каждый раз ожидая, что его с треском выгонят. Его спасло только безоговорочное уважение коллектива, которое он завоевал в должности начмеда. Он разогнал бухгалтерию, вместо молодых цепких баб взял опытных старушек. Поменял начальника АХЧ. Ликвидировал отдел маркетинга, путем несложной арифметики выяснив, что на его содержание тратится больше средств, чем отдел приносит в больницу. Сменил поставщиков препаратов и расходного материала. Закончил ремонт оперблока, причем удалось сделать так, что средства пошли действительно на ремонт, а не осели по карманам.

Он внимательнейшим образом изучал счета, караулил чуть ли не каждый мешок с цементом, проверял, соответствуют ли полученные препараты накладным. Единственным местом, куда Илья Алексеевич не совался, был пищеблок. Воровство на кухне неистребимо.

Но он прекрасно понимал: сравнительно честный уклад жизни в больнице продлится ровно до того момента, пока он сам является эталоном честности. Стоит ему хоть раз оскорбиться — все! Обозленные его ханжеством, сотрудники начнут воровать остервенело. И чем больше он будет их контролировать, чем жестче запрещать, тем циничнее они станут тянуть все, что не приколочено.

Илья Алексеевич положил себе зарплату по тарифной сетке, премии получал наравне с другими сотрудниками, по коэффициенту, и жил на эти деньги, подрабатывая частными консультациями.

«От трудов праведных не наживешь палат каменных», — отмахивался он от нападок жены.

Печка дзинькнула, Илья Алексеевич осторожно достал тарелку, отрезал себе кусок черного хлеба и, уютившись на краешке стола, заработал ложкой. Фирменный кури-

ный суп. Точно такой же, как неделю, как двадцать лет назад. В семье все работают, приходят поздно, когда супу не очень-то и хочется. В будни вполне можно обойтись пиццей... Илья Алексеевич вздохнул. Он обожал эти итальянские лепешки с помидорами, колбасой и сыром. В конце концов, можно творогом поужинать или просто чаю с бутербродами попить. Но жена — человек долга, раз положено кормить семью супом, значит, так и будет. И неважно, нравится это семье или нет. Наверное, отсюда у Алиски и склонность к полноте, оттого что жена каждый раз заставляет ее съесть свои обеды.

— Илья, черт побери! С какой радости ты поставил в кладовку свои ботинки? Иди сюда, посмотри, какую грязь развел!

— Что я, грязи не видел? — буркнул Илья Алексеевич в тарелку.

— Это не смешно! — Не дождавшись его на месте преступления, жена сама пришла в кухню. — Ты вообще ни о чем не думаешь! Я только убралась!

— Я затру. Поем и затру.

— Да уж, ты затрешь. Я не могу расценить это иначе как неуважение к себе и своему труду.

Если бы я тебя не уважал, подумал Илья Алексеевич с неожиданной злостью, я бы кинул эти ботинки тебе в физиономию и заставил высушить и почистить.

— Где-то я должен их ставить, — сказал он вслух. — Не в комнатах же.

— Газету нужно было подстелить хотя бы.

Он пожал плечами и вернулся к еде. Жена налила себе минеральной воды и села рядом, отпивая маленькими глотками. Презрительный взгляд, поджатые губы, общее выражение оскорбленного достоинства. Всю жизнь Илье приходилось гадать, поджаты ли губы потому, что жена

скорбит о несовершенстве мира вообще, или потому, что очередным проявлением несовершенства ее поразили муж с дочерью.

Как хорошо он ее знал! Как прекрасно изучил правила игры, которой они занимались все годы супружества! Жена отворачивалась, сквозь зубы цедила слова, и нужно было заглядывать ей в глаза, а потом робко спросить: «Дорогая, что с тобой? Я чем-то тебя обидел?» На это следовала неизбежная, как восход солнца, реплика: «А ты сам разве не догадываешься?» Обычно Илья Алексеевич не догадывался, и после нескольких его осторожных предположений следовала фраза: «Как ты мог?!» Вариантов продолжения было множество: забыть вынести мусор, сказать мне «отстань!», пригласить в гости приятеля. Илья Алексеевич каялся, после чего его ждала либо суровая отповедь, либо бурная истерика. Второй вариант нравился ему больше, после истерики у них случался хороший секс.

Не дожидаясь, пока жена поухаживает за ним, Илья Алексеевич поднялся и заглянул под крышки кастрюлек со вторым. Полуразвалившиеся куски вареной курицы из супа и картофельное пюре — серое, как несвежая простыня.

— А Екатерина Николаевна заливает пюре горячими сливками, — внезапно сказал он. — От этого оно получается такое белое, пышное.

— Кто такая Екатерина Николаевна?

— Ну как же? Супруга профессора Колдунова, ты прекрасно ее знаешь!

— А, эта старая дева, которая до сих пор не может поверить, что ее взяли замуж! — засмеялась жена. — Конечно, она готова вылизывать Яна с ног до головы за то, что он избавил ее от одиночества. Она, верно, ни на что уже не надеялась, когда он появился на ее горизонте. Вот и выпрыгивает из штанов.

— Я смотрю, ты всех женщин делишь на три категории: проститутки, старые девы и ты, — буркнул Илья Алексеевич, закрывая кастрюльки.

Жена с достоинством английской королевы приподняла бровь:

— Ты, кажется, вздумал иронизировать?

— Что ты, что ты! — Он ретировался на балкон.

Заболела голова, темя будто сжали каменной рукой. Каска неврастеника, привычно поставил он себе диагноз.

Накрапывал мелкий нудный дождик, возле подъезда жались мокрые несчастные голуби, склевывая размокшие крошки, насыпанные сердобольными бабульками. Курить не хотелось, но Илья Алексеевич вытащил сигарету и глубоко затянулся. На губах стало горько, язык защипало от мокрого дыма, но он мужественно сделал еще затяжку. Не простит и не поймет. Не захочет понять. А возможно, она, возмущаясь, падая в обморок и скандала, в глубине души будет даже рада такому повороту событий. У нее на руках появится козырь, оружие, которое она обратит против них. Она разрешит, потому что не может не разрешить, но выжмет из этого все, что только можно выжать.

Господи, помоги, вразуми, как защитить дочь от ее атак, которые будут продолжаться всю жизнь?

1988 год

Когда заведующая отделением скрылась в дверях лифта, Жанна облегченно вздохнула. Подойдя к зеркалу, она сняла медицинский колпачок и попыталась вернуть прическе былую пышность. Это быстро удалось, и Жанна с удовольствием посмотрела на себя. Она была красива той особенной красотой, которую дарят человеку молодость и превосходное здоровье. Круглое личико с ямочками на ще-

ках и лучистыми серыми глазами в обрамлении пушистых ресниц весело смотрело на мир, короткие каштановые волосы лежали волнами и красиво блестели. Жанна почти не пользовалась косметикой — природа подарила ей матовую нежную кожу, здоровый румянец и вишневые губки сердечком. Фигура в маленьком зеркале не отражалась, но Жанна и так знала, что она у нее прекрасная. Ноги, может быть, и не растут от шеи, и талия не осиная, но тело крепкое, подтянутое, упругое. Подмигнув отражению, Жанна заметила в зеркале Илью и обернулась. Он стоял возле ее рабочего стола и с улыбкой наблюдал, как она тут красуется. Жанна смутилась.

— Привет! — Подойдя ближе, Илья ласково обнял ее и поцеловал.

Она воровато огляделась: слава богу, никто из докторов не заметил, как она целуется со студентом. Разумеется, все знали, что у них роман, но по молчаливому соглашению делали вид, будто ничего не знают, покуда Жанна делает вид, что никакого романа нет.

Взяв за руку, Жанна потянула любимого за шкаф с препаратами, в спальню-чайный закуток.

Усадив его на диван, Жанна крепко зажмурилась, ущипнула себя за бок и открыла глаза. Илья не исчез. Она положила руки ему на плечи и ткнулась губами в жесткий ежик его макушки. Неужели он рядом и она может целовать его, сколько хочет? Происходящее с ней последнее время слишком напоминало прекрасный сон...

Маленький коренастый студент, пришедший на цикл факультетской терапии, понравился ей сразу. В его группе было много рослых, красивых, самоуверенных мальчиков, но Жанна с первого дня мечтала только о нем. Его невзрачная физиономия с мелкими чертами лица и чуть раскосыми азиатскими глазами снилась ей в чудесных теплых снах.